

его безусловный примат над всем „человеческим“, конечное оправдание и гармония космоса—появляются обычно при наличии социально-исторических катаклизмов, когда ломается мироощущение и прежние оценки не дают эффекта. Тогда возврат к человеку и поиски новых оценок в нем самом—естественны и уместны. В этом, может быть, единственное оправдание автора, ибо быт „мучеников“ тускл и скучен. Почтенен, добродетелен, но скучен. Может быть, потому, что автор слишком старается непременно убедить и доказать, но мало показывает.

Ю. П.

◆ Ж. Дос Пасос.—Три солдата.

Ленгиз. 1924. Стр. 357.

„Три солдата“ Дос Пасоса не меньше, чем книги Синклера Льюиса, позволяют говорить, что американская проза находится сейчас под знаком Толстого.

Словарная масса у Дос Пасоса тяжела и движется порой такими же большими глыбами-пластами, как у Толстого. От Толстого же у Пасоса обилие параллельных и пересекающихся тем, благодаря чему самый сюжет постоянно смещается, становится неясным, особенно в первой половине романа. Не знаю, знаком ли персонажам Дос Пасоса Толстой, но сам Дос Пасос Толстого, несомненно, читал. „Три солдата“ очень близки к „Войне и миру“. Все же тема сужена, „Мир“ только чувствуется, только показан, как далекий неясный фон, иногда воспринимаемый персонажами „войны“ по чисто фрейдовским рядам. „Мир“ обращен к Пасосу лицом трагическим, как постоянный диссонанс человеческого сознания и воли с мертвым сгустком космоса. Это—основная трагедия. На ее фоне и разыгрывается трагедия производная, личная—каждого из трех солдат, пытающихся индивидуально разрешить основную.

Очевидно, марка „Всемирной Литературы“ хорошо котируется на книжном рынке,—в переводной ху-

дожественной прозе Ленгиз добросовестно имитирует обложку и шрифт „Всемирной Литературы“.

Юрий Полетика.

◆ Вильгельм Бергстрем.—Дом пропащих.

Гиз. Л. 1924 г.

Один и тот же голос у рассказчика на протяжении всех ста трех страниц и, в сущности, одна тема. Кажется, эта медленная, грустная и спокойная интонация вот-вот сорвется, и мы услышим крик боли или хохот,—но нет, медленно и плавное разворачивается нелепое, пестрое полотно. Автор объективен. Недаром формой книги он избрал воспоминания. Отсюда это некоторое, неизбежное, впрочем, сужение темы и однообразие тона.

А между тем материал у Бергстрема богатый. Перед нами очерки Копенгагенского „дна“, „пропащие люди“, иногда—обломки больших кораблей, знавших когда-то и хорошее плавание. Но странно: эта чуть ли не газетная действительность загадочным образом утрачивает черты протокола. Ситуации Бергстрема напряжены, динамичны и разрешаются неожиданно: почти каждый из этих отрывков может быть развернут в драму: так скульптурны и четки персонажи, и так трагична их борьба с невидимым и неизбежным роком.

И все же трагедии нет. Слишком уж объективен автор. Беспристрастие и бесстрашие отомстили за себя. Нельзя быть только любопытным зрителем или исследователем, и объективность нуждается в ином жанре. Трагедия исключает камерный стиль, и поэтому те орнаментальные куски, где автор выступает, как голос античного хора, те слова, которые должны быть наиболее значительными и слышными, сентиментальны и неглубоки. Действующие лица не универсальны, не всечеловечны, как хотелось бы автору, а иногда просто „довоенны“. Некоторая растянутасть, особенно в авторских „ремарках“, расхолаживает.

Но все же книга очень интересна. Особенно удачны „Пышные похороны“, „Хохот“ и „Вздыхающий потолок“.

Подпись А. и М. Ганзен ручается за достоинство перевода.

Л. Г.

◆ **Пьер Бенуа** — „Владетельница Ливанского замка“.

Изд. „Мосполиграф“. 1924.

Если автор „вреден“, даже контрреволюционен, но издать его прибыльно — издавать его следует, но с таким предисловием, какое сделало умное издательство „Мосполиграф“: „Ненависть и возмущение — вот те чувства, которые должен вызвать роман Бенуа (или имя-рек) у русского читателя“...

Выход найден. Можно даже расширить метод. Например, переиздать Вербицкую или Бебутову, предварив издание предисловием в таком роде: „Русскому читателю пора, наконец, знать, чего ему не следует читать“. Дальше пафос: „Презрение и отвращение — вот те чувства“... и т. д.

Что касается „Владетельницы“ и вообще романов Бенуа, то нетрудно вычислить формулу, по которой они готовятся: а) колониальная политика (ведется честно и возвышенно Францией и предательски другими странами), б) благородный, но бедный молодой офицер, в) красавица (непременно „современная Клеопатра“), г) обманутые невесты и д) прекраснотушные друзья.

Отсюда коллизия долга и чувства.

Коллизии, как известно, в литературе можно по пальцам пересчитать, и эта не хуже других, но „подается“ она Пьером Бенуа — в совершенно застывшем виде, не оживленная ни одной индивидуальной чертой. Весь запутанный, но в сущности очень несложный механизм романа Бенуа пытается „облагородить“ и „осерьезить“ историческими выкладками романтического пошиба: я думаю, однако, что истые читатели Пьера Бенуа их пропускают, не читают, справедливо полагая, что не в них дело. Для читателей с повышен-

ными требованиями — они не спасают положения.

Впрочем, не ценность произведения определяет успех, а успех определяет ценность. Ведь Пьер Бенуа — „европейское имя“.

А. Рашковская.

◆ **Поль Моран** — „Левис и Ирен“.

Пер. М. А. Левберг. Изд. „Мысль“. Ленинград. 1924.

Идеология романа Морана — если об идеологии можно говорить — знакома по романам Дж. Лондона. Раньше фон и декорации из биржевых акций и финансовых сделок шокировали дерзостью, — теперь это стало уже в порядке вещей. Может быть началась мода с „Нови“ Гамсуна. Издание в таком же роде совсем недавно читали мы в „Новых людях“ Фаррера.

Но у Морана есть острота и игра оттенков, присущая только ему, выделяющая этот роман из ряда других, похожих на него. Почти шаблонная завязка, почти предугадываемое развитие — и вдруг неожиданный уклон — оригинальная завязка, и от этой финальной точки — рефлексивный свет назад — освещение меняет предметы — вещь получает свежий смысл — преображается „на глазах у читателя“.

Перевод не плох, но все же о колючестях ослов и коз говорят „ноги“, а не „лапы“ (у переводчика читаем: „ослы возвращались с полей такие нагруженные, что только лапы и уши их торчали из-за корзины с оливковыми листьями“). Не очень звучат и такие фразы, как: „Ирен извинялась греческой пословицей“... или: „Ирен пообедала стаканом кофе“...

А. Рашковская.

◆ **Анри Ринер** — „Блаженные“.

„Новая Москва“. 1924. Стр. 203.

Снова фантастика. Даже не фантастика, а утопия. Речь идет о некоем Острове „блаженных“, потомках древних Атлантов — что-то среднее между толстовцами и персонажами „Новой Элоизы“, — куда попа-